

Глава 1

Чья-то тень скользнула позади, в зыбком лунном свете. Тут же где-то рядом мяукнула-закричала кошка. Треснула ветка, взлетела, захлопала крыльями какая-то большая птица. Сова? Вряд ли. Денис насмешливо скривил губы: что сове делать в Москве? Особенно здесь, недалеко от Хитровки. Местные хулиганистые гавроши давно бы из рогаток прибили да потом продали мясо под видом индюшки.

Нет, никто, конечно, сзади не крался. Просто ветер... птица... кошка... Однако надо и о своей цели не забывать. Денис осторожно выглянул из-за угла и, услышав стук копыт, облегченно перевел дух. Ну наконец-то! Давно пора. Приехали.

Фыркнула лошадь, и на мостовую вывернула с прилегающей улочки коляска легкового извозчика, обычного московского «ваньки». Послышались приглушенные голоса — мужской и женский, точнее говоря — девичий. О чем они там говорили, было не разобрать, а подобраться поближе не имелось никакой возможности — вполне могли заметить. Да что там могли, право же, заметили бы, чай, не слепые. Так что лучше уж так, издалека... Однако же не совсем видно. Кто там? Что за девушка? Танечка? Или кто-то другой? По фигурке вроде похожа... Да они все, балетные, похожи. Все поджарые, стройненькие, быстроногие. Ах, Танечка, Танечка...

Или не она? Хотя кому ж и быть-то? Представление (кажется, «Слуга двух господ» Карло Гольдони) как раз и закончилось с час назад... Пока переделалась, пока то да се, пока доехали...

Откуда-то сверху вдруг послышался резкий звук, очень похожий на клацанье взводимого курка! Да не похожий, а точно!

— Ложи-ись! — выскочив, закричал Дэн.

Тотчас же грянул выстрел! За ним — еще один. Судя по всему, стреляли из ближайшего доходного дома... Хотя черт пока с ним, со стрелком! Со всех ног Денис метнулся к упавшей на мостовую девушке. Неужели достал-таки? Но каков меткач! Впрочем, не так уж тут и далеко. Саженой двадцать, не более. И луна, вон, ярко светит, зараза...

— Что с ней? Эй...

— Ой, барин! Кажись, убили дамочку.

— Типун тебе!

Бросив грозный взгляд на извозчика, Денис склонился над телом, всмотрелся, прислушался, потрогал запястье... Несчастливая еще дышала — прерывисто, тяжело. Темно-серое платье ее намокло от крови. Весь левый бок...

— Танечка! Танечка... — с болью выкрикнул Дэн... и тут же осекся, разглядев наконец лицо.

На мостовой, у задних колес коляски лежала вовсе не Танечка, а ее подружка — Катенька Изольдова, тоже балетная, из бывших крепостных графа Аркадия Федоровича Изольдова, с которым Денис Васильевич как-то... Впрочем, это сейчас было не важно.

— Скорей! — Выдохнув, молодой человек со всей осторожностью взял девушку на руки и сердито глянул на «ваньку». — Ну, что стоишь-то? Гони давай к доктору! Или... нет... лучше — в дом.

Из дома уже бежали. Скрипнула дверь, и на улицу выскочили сразу двое — бородатый привратник и злая

на вид старушенция в скрипучих башмаках и сером старомодном капоте с дурацкими рюшами, смотревшими-ся, как на корове седло.

— Господин Давыдов? — ахнула старушенция. — Вы как здесь?

— Случайно, — Денис отмахнулся. — Давайте ее в дом...

— А кто это? Ой... Катерина! Катя... Да кто ж ее?

— Кто-кто, — поднимая девушку, хмыкнул в бороду привратник, такой же коренастый, как и сам Давыдов. — Тут Хитров рынок недалече... Шалят!

Денис покусал усы:

— Но... не из пистолета же!

— А что бы, барин, и нет? — Привратник — звали его, кстати, Прохор — уже заносил раненую в парадное, или, говоря по-московски, подъезд.

Давыдов живо сунул извозчику двугривенный:

— За доктором гони, живо. Пречистенка, десятый дом. Знаешь?

— Угу...

— Скажешь, что от меня... от Дениса Васильевича Давыдова. Доктор — сосед мой. Звать его Афанасий Михалыч. Уж он не откажет... Ну все, поезжай. Не забудешь, дурья твоя голова?

— Как можно, барин!

Взгромоздившись на козлы, «ванька» обтер руки о фартук и схватил вожжи:

— Н-но, залетная! Н-но!

Зацокали по брусчатке копыта, быстро набравшая скорость коляска скрылась в ночи. Точнее сказать, было уже утро, уже занималась над крышами зыбкая алая полоска — заря.

Между тем несчастную уже внесли в комнаты, в апартаменты, расположенные на недешевом третьем этаже. Да и сам-то дом был не из дешевых, дирек-

тор Императорских театров Аполлон Александрович Майков снимал здесь комнаты для своих актрис, буде те задержатся вдруг в Первопрестольной, чтоб не тащились по ночи в Кунцево, где в сером, давящей архитектуры доме и проживали воспитанницы балетного училища. Жили, благодаря доброте и протекции Майкова, на полном пансионе, но в строгости, под зорким контролем отставного актера Урасова — истинного цербера, не дававшего девочкам никакой воли. Так что те, когда вырывались из-под контроля, пользовались короткой свободой, насколько могли. Иногда — на свою голову, как вот несчастная Катенька.

— Ну, что там с ней? — подойдя к большой, с малиновым балдахинном кровати, шепотом осведомился Денис.

— Похоже, что плохо, барин, — хриплым голосом отозвалась старуха.

Фекла Матвеевна, так ее звали, тоже была из бывших актрис, злющая, как ведьма, ничуть не лучше Урасова. Почему-то именно таких монстров Аполлон Александрович для своих балетных и нанимал. Может, правильно и делал, да.

— Едва дышит...

В старом подсвечнике, потрескивая, тускло горели свечи. Высохшее желтое лицо старухи исказилось гримасою, выразившей не пойми что, то ли сочувствие, а то ли, наоборот, злорадство, мол, так тебе и надо, твари гулящей, ага!

— Да где же это чертов доктор?

— Тут не доктор нужен, — прошипела Фекла Матвеевна. — Батюшку звать пора.

— Так ты думаешь, она...

— Не жилец, — и старуха желчно усмехнулась. — Вон лицо-то бледное какое, да и глаза закатились...

В этот самый момент Катенька вдруг распахнула глаза — чудные, блестящие, карие — и тихо прошептала:

— Пить...

Фекла дернулась было к стоявшему на тумбочке графину, однако опытный воитель Давыдов перехватил ее руку:

— Нет! Ежели в живот рана, так нельзя ей... Доктора подождем.

— Подождем, — тяжело опускаясь на стул, согласилась старуха. — Прохора я за батюшкой отправила. Отец Илларион. Хороший батюшка, добрый. Здесь, рядом живет.

За окном брезжил рассвет, отражался в стеклах мансард золотисто-алыми сполохами. Уже поднялись дворники, перекрикиваясь, шерудили метлами...

На лестнице раздались шаги — привратник привел батюшку. Отец Илларион оказался еще довольно молодым человеком, судя по виду, ему не было и тридцати. Осанистый, крепкий, с белесой кучерявой бородкою, он чем-то напоминал песенного разбойника Кудеяра... или самого Дениса в его партизанскую бытность, со времен которой всего-то два годка и прошло. Даже еще меньше.

Перекрестив раненую, священник деловито достал из прихваченного с собой саквояжа очки и тревник. Однако ничего прочесть не успел — едва водрузил себе на нос очки, как, наконец, явился доктор.

— Здравствуй, Денис Васильевич. Ну, что тут у вас? Где больная? Ах, вижу, вижу... Ну-ка, ну-ка... Что там?.. А посмотрим, посмотрим... Денис Васильевич, ты ведь у нас крови-то не боишься? На вот, ножницы подержи... сейчас одежду разрежем... Ой-ой!

Осмотрев несчастную, врач покачал головой и, скорбно поджав губы, повернулся к священнику:

— Тут теперь ваши дела, батюшка.

— Что?! Умерла?! — ахнул Давыдов. — Как?

— Да вот так. — Доктор уже громыхал рукоюйником в коридоре. — Преставилась, милая. Две пули, две раны: одна — под сердцем, другая — в печень. Странно, что вообще не сразу жизни лишилась. Кто ее так?

— Кабы знать... — поиграл желваками Денис.

— Да что тут знать, барин! — Привратник затряс бородой. — Говорю же, хитровские это. Там, на рынке-то, много всякой шелупони ошивается. А после Бонапартия пистолей да оружия разного на Москве полным-полно стало!

Вот в этом он был прав. После нашествия Наполеона оружие в Москве можно было раздобыть свободно, чем и пользовались разного рода криминальные элементы, обретавшиеся отнюдь не только на Хитровке, но и во всех остальных районах Первопрестольной. И московский градоначальник, и господин обер-полицмейстер Петр Алексеевич Ивашкин с преступностью, конечно, боролись, но больше как-то на бумаге. По отчетам все хорошо выходило, однако по ночам выстрелы гремели постоянно: воровские шайки учиняли промеж собою разборки, убивали, грабили, словно это не сонная благодстная Москва, а какой-нибудь Чикаго времен сухого закона.

— Ну... — Денис Васильевич замялся на пороге, надевая шляпу. — Пойду, пожалуй... Чего уж тут теперь. Жалко Катеньку, да... Фекла Матвеевна, голубушка, ежели вдруг полиция, так знают, где меня отыскать. Пускай припожалуют. Что видел, обскажу. Покуда же — честь имею, господа!

— Подожди, подожди, Денис, — замахал руками доктор. — Я ж «ваньку»-то не отпустил. Вместе поедем.

— Да я уж лучше пешком. — Давыдов тяжело вздохнул и перекрестился. — Пройдусь да хоть немножечко

отойду душою. Жалко Катеньку очень. Молодая ведь совсем. Юная. И какая-то сволочь... Найду! Найду эту сволочь! Отыщу! Честью своей клянусь, даю гусарское слово.

Откланявшись, Денис Васильевич вышел на улицу и поплотней запахнул сюртук. Хоть и лето, а все же зябко, утро-то раннее. По всей Москве дома по большей части были одеты в строительные леса — жители отстраивались после наполеоновского пожара. Сразу после заутрени начинали стучать топорами многочисленные плотницкие артели, бегали, таскали кирпичи каменщики, все улицы заполонили подводы со стройматериалом. Суета. Вот и сейчас уже начиналось...

На Иване Великом басовито грянул колокол, тут же подхваченный колоколами златоглавого Успенского собора и более нежными раскатами собора Василия Блаженного. Благовесту главных храмов тут же вторили с колоколенок всех остальных московских церквей и церквушек, поплыл над городом малиновый звон, хлынул на улицы люд — Первопрестольная просыпалась, плыла навстречу новому дню, солнечному, теплому, летнему.

От такого дня, от такого солнечного, пусть пока и прохладного, но быстро нагревающегося утра и впрямь становилось легче на душе. Хотя, конечно, сильно переживал гусар, Катеньку было жалко. Пусть он плохо знал эту девушку, так, видел пару-тройку раз, однако... Катенька была из балетных, как и безответная пассия Дениса Танечка Иванова. Так вот и Танечку могли... Именно ее-то и поджидал Давыдов, именно ее и думал увидеть... Хоть здесь перехватить, пообщаться. В общежитии-то, в казарме — никак, проклятый цербер Украсов стойко стоял на часах!

Эх... Эх, Катенька, Катенька, земля тебе пухом! Кто ж этот гад, что вот так, запросто лишил жизни ми-

лое, безобидное создание? Впрямь ли хитровский разбойник? Впрочем, почему бы и нет? Кому еще-то? Но зачем тогда с крыши палил?

Вот этот дом. Вот — чердак. Денис запрокинул голову, увидев приткнувшиеся с левой стороны дома строительные леса. Никаких рабочих поблизости видно не было, скорее всего, уже закончили свою работу, а может быть, еще даже не начинали. Оглядевшись, Давыдов улучил удобный момент, ухватился за бревнышко и, подтянувшись, вмиг очутился на дощатых подмостках. Постоял, посмотрел, убедившись, что эскапада сия не привлекла ничьего любопытства, снова подтянулся, проскочил, выбираясь на покатую крышу.

На чердаке оказалось не так уж и темно — только что взошедшее солнце било прямо в оконце. Молодой человек прищурился и вдруг, неожиданно для себя, чихнул от попавшей в нос чердачной пыли. Чихнул и машинально выхватил стилет, который всегда носил с собой — вещица на матушке Москве отнюдь не лишняя, особенно — у Хитровки.

Зря волновался: ни одна тварь ниоткуда не высунулась; не показалось, не возникло ни одного хищного рыла. Никого на чердаке. Пусто. Главное, что и пистолетов-то нигде не видать. Не выбросил их убийца, прибрал... Так ведь не киллер! Да и отпечатки пальцев еще не умели снимать... Уголовного розыска и того толком не было, имелись лишь разномастные полицейские части, капитаны-исправники да следственные приставы (что-то похожее на судебное следствие). Работать «на земле» было практически некому, зато, что касаясь начальства, то с этим все обстояло в порядке: имелся и обер-полицмейстер со всей причитающейся канцелярией, и даже отдельное от МВД министерство полиции! Все имелось... Только вот лиходеям плевать на это было.

Да уж, все, как и в начале двадцать первого века, откуда и появился Давыдов Денис, почти полный тезка знаменитого поэта и гусара. Бывший курсант Академии полиции, а ныне — там, в будущем — старший следователь Следственного комитета, майор. Хм, майор... А здесь-то он генерал-майор, однако! Здесь... там... Просто как-то так случилось, что во время спиритического сеанса часть души Дениса оказалась в теле гусара... А потом проклятый лапландский колдун убил душу истинного Давыдова — поэта, — и Дэн оказался вот так вот, сам по себе. И главное, он же был и там, в будущем... Оставался, да, словно бы ничего и не случилось. Даже сны об этом самом будущем видел. Шизофрения какая-то... Впрочем, Денис привык уже, давно привык и ощущал этот мир своим.

Вот и сейчас он начал осмотр чердака, как учили: слева направо, по часовой стрелке, тщательно фиксируя для себя каждую мелочь, вроде придвинутой к слуховому оконцу скамейки. Скамейка старая, кто-то выкинул... С нее-то, похоже на то, и стреляли. Убийца вот так вот пристроился...

Дэн лег на скамейку, прикидывая, как бы держал в руке пистолет, как бы целился... А ничего сложного! Даже для кремневого пистолета, тем более если стрелок к этому оружию привычный. Внизу — как на ладони все. Однако ночью-то — даже учитывая луну — все по-другому выглядело.

Привычный... Вот именно — привычный. Денис зацепился за это слово. Кто бы мог так вот ловконько с пистолетами обращаться? Да кто угодно! Любой дворянин. Начало девятнадцатого века — самое время дуэлей. Правда, пока что больше на саблях, на шпажках. Но и пистолеты в вопросах чести уже применялись, да. Значит, дворянин... Какой-нибудь записной дуэлянт, бретер. Хотя, может, и не бретер, просто во-

енный. И не простой, а кавалерист, именно там пистолы в ходу. Тот же гусар, улан, егерь... Может быть, драгун. Хотя какие драгуны кавалеристы? Так, ездящая пехота, тьфу. Да и пистолеты у них здоровенные. Весом чуть ли не два кило! Гусары традиционно недолюбливали и презирали драгун... Вот и Денис Васильевич тоже. Вжился, вписался в здешнюю жизнь. Привык.

Итак, либо бретер, либо конник. В набившего руку стрелка-преступника из простонародья Давыдов что-то не очень верил. Нет, такое орудие, как пистолет, отнюдь не для простолюдинов, отнюдь... С другой стороны, с чего он вообще взял, что стреляли из пистолетов? Стряхнув с сюртука пыль, Денис в задумчивости уселся на скамейку. Может, кавалерийский карабин? Пули похожи... Да и по звуку... Похоже-то похоже, однако выстрел вышел, по сути, двойной! Один и сразу — другой. Никакой карабин за полсекунды не перезарядишь, нет. А вот пистолеты всегда продавались парами. Парами обычно и носились. Значит, определенно — пистолет, точней — пистолеты...

Покусав ус, молодой человек поднялся на ноги, продолжая осмотр. Солнце уже поднялось повыше, и на полу чердака, засыпанном для тепла песком, стали заметны следы. Следы достаточно отчетливые... Денис наклонился, всмотрелся, прикинул... Похоже, что сапоги. Ну да, сапоги, вон и шляпки гвоздиков отпечатались. Модные штиблеты такими гвоздицами не подбивают. Значит, все же военный. Или — простолюдин? Судя по отпечатку подошвы, обувь-то грубая. С другой стороны, грубые рабочие сапоги кто угодно мог купить... И где угодно. Не-ет, следы — это не улика. Вот пистолеты... и ловкость стрельбы... Одно к одному, убивец — человек воинский. Всенепременно — воинский, да.

Слева, ближе к узенькому лазу, ведущему на крышу, виднелась большая рассохшаяся бочка с покосив-

шимися ободами. Кто ее сюда приволок, когда и за-
чем — бог весть. Может, песок для подсыпки хранить,
может, еще зачем...

Давыдов подошел, наклонился, посмотрел, протя-
нул руку... Так и есть — полбочки песка еще осталось.

— Хороший песок, однако. В какой-нибудь Ан-
талье на пляже не отказались бы от такого песка... —
Хмыкнув, Дэн перевел взгляд и тут же застыл, словно
почуявший близкую добычу зверь!

Сразу за бочкой валялась дорожная сумка. Матер-
чатый такой саквояж, довольно объемистый, из тех,
что обычно берут с собой в дорогу коммивояжеры
средней руки. Лежал саквояж странно — на боку, кри-
во. Видно было, что его не просто поставили, а броси-
ли кое-как, впопыхах. Убийца спешно ретировался?
Или все наоборот, своим появлением он кого-то спуг-
нул, какого-нибудь местного клошара? Впрочем, что
гадать?

Хмыкнув, молодой человек перенес находку на
скамью — под свет, раскрыл и невольно ахнул: на дне
саквояжа тускло блестели литые свинцовые шарики.
Пули! Было их числом около дюжины, да еще остава-
лось место для бумажных патронов с порохом и поро-
хового же туюска — на пистолетную полочку натрясти,
для затравки.

Аккуратненько разложив находки на скамейке, Да-
выдов обшарил и нашитые на саквояж боковые карма-
ны, в коих обнаружили два коротких шомпола и про-
масленная ветошь.

— Набор «Юный стрелок»! — довольно хмыкнул
Денис. — Интересно, что же он пистолеты не выбро-
сил? Пожалел? Или все же выбросил, если от кого-то
бежал... Следы, следы! Еще бы поискать надобно.

Денис Васильевич исползал весь чердак, испачкав
свои модные французские панталоны и сюртук, одна-